

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Конец неолиберализма? Да здравствует неокейнсианство? Сумерки левых «интеллектуалов»

Борис Ихлов

В 2012 г. автор этих строк опубликовал книгу «Конец истории либеральной демократии» (см. расширенный вариант в списке здесь: <http://shtimer.ru/knigi/>) – в ответ на книгу Ф. Фукуямы «Конец истории». Сам Фукуяма быстро отказался от своего тезиса, а президент РФ Путин, долгое время клявшийся в верности либерализму, летом 2019-го неожиданно объявил, что либерализм себя исчерпал. Чем вызвал возмущение демократической общественности.

Но стоит ли обращать внимание на какие-то высказывания тех или иных политиков, если следование либерализму в России продолжается, одно только повышение пенсионного возраста, к которому призывал либерал Навальный, чего стоит.

С другой стороны, либерализм по-разному понимается в разных странах. Либерализм есть отказ государства от участия в экономике. В США нет никакого либерализма, государство активно препятствует реализации проекта «Северный поток-2», запрещает ввоз более качественных апельсинов из Бразилии, стоит стену на границе, препятствуя проникновению рабочей силы из Мексики. В то же время США успешно продвигают либерализм в прочих странах – для облегчения проникновения американских корпораций на рынки других стран. Уже Латинская Америка, устав от «чилийского» или «бразильского чуда», начала поход против этого продвижения. Страны Европы одна за другой начинают противодействовать проамериканской политике Брюсселя-Берлина. Именно этот процесс я и имел в виду в своей книге. Либерализм в РФ и бывших странах СЭВ привел к обрушению экономики.

Что же в связи с этим предлагали международные так называемые левые?

11-12.6.2013 г. в Киеве состоялась конференция «Конец неолиберализма». В конференции приняли участие известные левые публицисты, политологи и эксперты, в частности: Кристоф Агитон (Франция), Борис Кагарлицкий, Василий Колташов, Анна Очкина, Павел Кудюкин (Россия), Никола Буллард (Австралия), Михал Сутовски (Польша) и др. Лейтмотивом большинства выступлений был вывод о том, что политика неолиберализма завела как европейские страны, так и страны восточной Европы, включая Украину и Россию, в тупик. Какой же выход из данного тупика видят инициаторы и большинство участников прошедшей конференции? В возврате к социальному государству, в переходе от политики дешевой рабочей силы – к политике дорогой рабочей силы и тем самым к стимулированию спроса, а значит к созданию новых производств, новых рабочих мест, к подъему экономики в целом, короче, в переходе от политики неолиберализма к политике неокейнсианства.

То, что подавляющее большинство трудящихся заинтересовано именно в такой политике, настроено «неокейнсиански», - не вызывает никаких сомнений, звучало на конференции. Но одного желания как трудящихся, так и выражающих их чаяния левых интеллектуалов перейти от неолиберализма к неокейнсианству мало. Необходимо еще выяснить, а существуют ли объективные предпосылки для такого перехода, способны ли в принципе США, ЕС и страны Восточной Европы к такому переходу?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, вернемся на 60 лет назад и посмотрим в каких исторических условиях осуществлялся переход к политике кейнсианства после второй мировой войны. Главными предпосылками перехода к созданию социального государства, welfare state, были, конечно же, не идеи Джона Мейнарда Кейнса и не добрая воля буржуазии, а:

1. Ликвидация мировой колониальной системы, открытие рынков бывших колоний для США, европейских стран и Японии, которое создало новое огромное пространство для развития капитализма вширь, развития производительных сил и сбыта товаров, которые не могли поглотить рынки США, Европы и Японии.

2. Конкуренция Запада с Советским Союзом. Запад, в условиях холодной войны, вынужден был пойти на значительные уступки своим трудящимся для того, чтобы выиграть в этом историческом соревновании с СССР.

На конференции Борис Кагарлицкий процитировал одного из финских политических деятелей, утверждавшего в свое время, что Советский Союз создал райские условия жизни для трудящихся... в Финляндии.

С тех пор ситуация существенным образом изменилась. Большинство бывших колоний прошло (или проходит в настоящее время) стадию индустриализации и урбанизации. Из стран импортеров промышленной продукции и экспортеров дешевого сырья, многие из них сами превратились в экспортеров промышленных товаров и импортеров сырья, теснят Запад как на его внутренних рынках, так и на мировом рынке. Что касается СССР, то он давно почил в бозе, а его преемница – РФ сама твердо придерживается неолиберального курса экономического развития.

Вопрос о том, как в этих условиях, в условиях глобального рынка капиталов, товаров, конкуренции дешевой рабочей силы, а значит и дешевых товаров из Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Запад может перейти у себя дома к политике дорогой рабочей силы, к ренессансу социального государства, - выступления участников конференции «Конец неолиберализма» так и не прояснили. А ведь это, собственно, был главный вопрос, на который следовало ответить.

Переход к политике протекционизма, закрытие, защита внутреннего рынка от дешевого импорта товаров здесь ничего не решает, говорилось на конференции, поскольку не решает главный вопрос - конкурентоспособности собственной дорогой продукции (в условиях сохранения социального государства, проведения политики дорогой рабочей силы) на мировом рынке.

Короче, если и существует некейнсианская альтернатива неолиберализму, то она нуждается в более основательном обосновании, чем то, которое было представлено на данной конференции.

Возможно ли, что социализм в скором времени будет поставлен в повестку дня и окажется более реальной альтернативой неолиберализму, чем некейнсианство?

Вполне может оказаться, что возврат к политике кейнсианства, с которой носятся сегодня многие левые интеллектуалы и антиглобалисты, является такой же реакционной утопией, как и идея возрождения СССР по тем же принципам, что были до 1991 года, с которой до сих пор носятся многие сталинисты, несмотря на положительный – и вынужденный - пример Евросоюза.

Кризис углубляется. Безработица в еврозоне увеличивается на 200 тыс. чел. ежемесячно. Пока же с уверенностью можно утверждать только одно: так или иначе, в недалеком будущем нас ждут большие перемены.

Что такое «друзья народа»

Перед тем, как поговорить об утопичности «левых интеллектуалов» или анти- альтерглобалистов, обратимся к тем силам, которые эти перемены обязаны осуществить.

Для начала укажем на состав той «экспертной группы», которая провозгласила конец либерализма. Это Павел Кудюкин, который в начале правления Ельцина был назначен министром труда. До этого Кудюкин входил в неформальную социал-демократическую партию России (СДПР), возглавлявшуюся Орловым и Румянцевым. Позднее партия попыталась преобразоваться в Республиканскую, чтобы походить на республиканскую партию в США. По характеру партии можно адекватно судить по ее представителю, лидеру пермской СДПР Игорю Аверкиеву. Сначала он попытался переписать пермскую СДПР в Партию Труда, на которую глава ФНПР Шмаков так и не дал денег, а затем вслед за депутатом Похмелькиным перешел в Либеральную партию Бориса Березовского. Если же судить по личной встрече с Кудюкиным, на роль эксперта он, мягко говоря, мало подходит. Из его же компании – философ Анна Очкина.

Что касается Бориса Кагарлицкого.

«... в мае 1986 г. , - пишет А. В. Островский в своей книге «Глупость или измена», - был принят «Порядок о любительских объединениях и клубах интересов». А в сентябре 1986 г. на базе детского клуба «Наш Арбат» возник клуб социальных инициатив (КСИ), который стал одним из первых очагов консолидации неформалов в столице. ... он был организован «по инициативе молодых ученых Центрального экономико-математического института АН СССР (ЦЕМИ) при «Комсомольской правде» для обработки писем, посылаемых с мест в центральные газеты. ... в октябре 1987 г. ... был зарегистрирован при Советской Социологической Ассоциации.

«Когда пришел Андропов, - признался позднее Ф. Д. Бобков, - мы тогда буквально через несколько месяцев в Институте социологии создали закрытый сектор нашего 5-го управления, послали туда 15 наших офицеров. Во главе отдела встал зам. директора. На базе этого отдела и рос институт.» ...

Сопредседателями клуба стали Григорий Пельман, Борис Кагарлицкий, Михаил Малютин и Глеб Павловский. ... В 1978-м... Кагарлицкий вступил в кружок социалистов, в 1979 г. стал кандидатом в члены КПСС. В 1980 г. его исключили из партии и из института, в 1982 г. арестовали, но вскоре освободили. А. В. Шубин пишет, что Б. Ю. Кагарлицкий подал прошение о помиловании.

... Павловский... в январе 1980 был арестован, но вскоре тоже освобожден. В апреле 1982 г. его арестовали опять. «После ареста, - вспоминал Павловский, - я дал показания на себя и на тех, кто уже уехал из СССР...» ... Глебу Олеговичу не понадобилось менять квартиру на московскую или же вступать в брак. Он, вчерашний ссыльный и арестант, понадобился в редакции журнала «Век XX и мир», причем в качестве зам. главного редактора. ... названный журнал издавался Советским комитетом защиты мира и предназначался, прежде всего, для распространения за границей. Это означает, что его курировали МИД, Международный отдел ЦК и КГБ СССР.

Если Б. Кагарлицкий и Г. Павловский принадлежали к людям с подмоченным диссидентским прошлым, то М. В. Малютин... трудился не где-нибудь, а в Московской высшей партийной школе, кузнице столичных партийных кадров.»

Далее Островский указывает, что такое олицетворение демократии, как Юрий Афанасьев, занимало пост проректора Высшей школы при ЦК ВЛКСМ, потом входило в редколлегия журнала «Коммунист» и посещало публициста Гефтера в качестве связного от советника Горбачева Черняева, за которым стоял Александр Яковлев, и Горбачев содействовал избранию Афанасьева делегатом XIX партконференции.

Словом, и Афанасьев со товарищи, и КСИ, и его руководство, включавшее Кагарлицкого и Малютина – всего лишь проект руководства КПСС.

Можно добавить, что собрания клуба в ЦЕМИ представляли собой не более, чем ярмарку тщеславия, были бессодержательны и безрезультативны. Позднее Кагарлицкий рассорится с Орловым, уйдет из СДПР и создаст вместе с Малютиным Социалистическую партию. Если о Кагарлицком ходили слухи, что он давал признательные показания и даже сотрудничал с КГБ, а Кагарлицкий и не думал их опровергать, то сам он с удовольствием распространял фальшивые слухи о сотрудничестве других неформалов с КГБ. Но суть деятельности этого человека легко понять по одному эпизоду, случившемуся в 1998 году. В День шахтера с Горбатого моста на Красную площадь шла колонна протестующих горняков со всей страны. Перед самым входом на площадь с двух сторон во главу колонны на мгновение встали Кагарлицкий и активист «Альтернатив» Андрей Колганов, вспышка фотоаппарата – и можно не сомневаться, что в европейских газетах появился снимок, как два интеллигента возглавляют рабочее движение России... И ранее Кагарлицкий в Европе представлялся от стачкома Кузбасса, что в самом стачкоме Кузбасса вызвало ярость.

Что до зарубежных участников конференции, укажем лишь на Кристофа Агитона, чью книжку «Альтернативный глобализм» опубликовало связанное с Кагарлицким издание «Икея». В книжке автор всерьез пишет, что после «реставрации капитализма» в РФ мир стал «ни лучше, ни хуже», что народные движения против войны в Чечне или Восточном Тиморе принимаются правительствами близко к сердцу, ну, а уж сам альтерглобализм, несомненно, окажет значительное влияние на будущее мира. Автор даже ставит задачу блокировать ВТО! Помимо паранойи, Агитон уверяет, что налог Тобина – реальный инструмент для борьбы с финансовыми спекуляциями, пишет о некой либеральной глобализации, проще говоря, книжка напичкана наукообразными рассуждениями ни о чем. Зародился альтерглобализм в США, в недрах ЦРУ, его цель – выхолостить протест, направить его в «ненасильственные формы».

Есть версия, что личностные качества человека – дело десятое, главное – чтоб дело делал, чтобы был «объективно полезным» и т.п. Это вредное заблуждение, которое пока неискоренимо в среде тех, кто занимается марксизмом. Давняя традиция, еще с конца 80-х. Ленин говорил, что тот, кто объясняет действия политика чертами его характера – жулик. Конечно, особенности характера каждого, кто завязан с политикой – вторичны. Но Ленин вовсе не сбрасывал их со счетов. Наоборот, он руководствовался именно «вторичным», когда требовал сместить Сталина с поста генсека из-за особенности его характера, грубости. Потому что и обратное верно: тот, кто обрамляет свои вполне корыстные интересы бантиком интересов народа – трижды жулик. Последствия – известны. Они еще раз проверены на практике марксистских групп, возникших в 80-е.

О других движущих силах поговорим в самом конце.

Что такое либерализм и кейнсианство

Перейдем к содержательной части конференции.

Во-первых, связанный с монетаризмом неолиберализм, в отличие от классического либерализма, не отрицает полностью государственное регулирование экономики, но оставляет его функцию лишь для

установления принципов конкуренции и законов свободного рынка, рассматривая, тем не менее, свободный рынок и неограниченную конкуренцию как основное средство обеспечения прогресса и социальной справедливости. Это обеспечение полагается возможным, прежде всего, на основе экономического роста, который измеряется валовым внутренним продуктом. Неoliberalизм сформировался в качестве оппозиции социал-либерализму типа Ортеги-и-Гассета, предполагавшему социальное партнерство и социальную защиту, сочетание конкуренции с государственным регулированием и социальными программами.

Классический же либерализм сегодня понимается как невмешательство государства в экономику, плюс всевозможные свободы слова, однополюс любви и т.п., т.е. примат частного над общим, личности над обществом.

Между тем изначально либерализм, представленный в России Радищевым, Чернышевским, Белинским и Сперанским, Новиковым и Пушкиным, Некрасовым и Львом Толстым, во Франции – Вольтером, предполагал свободу от государства, в том числе экономическую – при наличии сильного государства. Точнее – вместо определения лучше просто перечислить имена.

Есть еще новый либерализм - современное идеологическое и политическое течение, выступающее за двуединый процесс защиты прав индивида и интересов общества.

Кейнсианство возникло в условиях общего кризиса капитализма, после мирового кризиса 1929-1933 гг., т.е. при болезнях роста, при обострении противоречий капитализма, вызванных обобществлением производства и развития государственно-монополистического капитализма. Ранее вся буржуазная идеология была построена на воззрении, что стихийная игра рынка сама собой обеспечивает гармонию. Кейнс указал, что такие феномены, как массовая безработица или недостаточность «эффективного спроса» волшебный рынок устранить не в состоянии. Необходимо вмешательство государства. И Кейнс пытается теоретически обосновать практические рекомендации к проведению тех или иных государственных мер.

Казалось бы, посыл верный. Однако Кейнс в качестве базового элемента для своих рекомендаций избрал посыл совершенно неверный: что рост потребления всегда отстает от роста доходов из-за... склонности к сбережениям. Одно это уже указывает на его полную некомпетентность. Поэтому Франклин Рузвельт поступил по-своему – в виду «великой депрессии» он ущемил интересы монополий – в интересах всего государства в целом, спас буржуа от их собственной жадности.

Обратим внимание – во главу угла кейнсианства положен спрос и связь между инвестициями и кратным ростом спроса, что Кейнс позаимствовал из работы Ленина «Развитие капитализма в России». Причем Кейнс абсолютизировал эту связь, у Ленина инвестиции лишь в ряде случаев могут вызвать рост занятости и зарплат, Ленин указывает на ограничение спроса пролетариями как на противоречие капитализма. Однако у Кейнса и речи нет о социальном государстве, тем более об обществе потребления.

Среди кейнсианских концепций – теория экономического роста Р. Харрода, теория циклов Э. Хансена, левое кейнсианство Д. Робинсон.

В 50-70-е годы на смену пришло некейнсианство, это П. Самуэльсон с его знаменитой «Экономикс», Ф. Модильяни с его «гипотезой жизненного цикла», Д. Хиккс с его книгой «Стоимость и капитал», которые сделали попытку формализовать учение Кейнса, слить микро- и макроэкономику. Данная тенденция, идущая с 1838 г. от моделей рыночной конкуренции О. Курно, с 1888 г. от математических моделей в политэкономии Л. Вальраса, вылилась в такое направление, как математическая экономика, которая была широко представлена в СССР, в том числе в академическом журнале, в экономической кибернетике, изучавшейся в вузах, и т.п. Данная тенденция также вобрала в себя в последние десятилетия методы теории особенностей Уитни, теории катастроф, стохастики, синергетических моделей (см., напр., В.-Б. Занг, «Синергетическая экономика»).

С другой стороны, некейнсианство – это попытка критики кейнсианства с позиций марксизма. В 90-е годы «Экономикс» Самуэльсона и его адаптация Брю и Макконеллом стали основными учебниками в российских вузах.

Бедный Самуэльсон решил - без ложной скромности - достичь «великого неоклассического синтеза», объединяющего современные методы анализа национального дохода с принципами отцов политической экономии Смита, Рикардо, Маркса, Кейнса. Подчеркнем, что речь идет не просто о применении математических методов к макроэкономике, что блестяще осуществил Василий Леонтьев, не о внутренних законах макроэкономики, о которых писал Николай Кондратьев, а именно о слиянии экономики и политэкономии.

То, что Маркс опроверг политэкономии Смита - Рикардо, то, что его работы находились в непримиримом противоречии с воззрениями Кейнса, Самуэльсона и его подельников не беспокоило. Нужно было просто позабыть о классовой борьбе, об объективной закономерности смены формаций, о теории стоимости Маркса – всего лишь. В реальности же Самуэльсон занялся весьма полезной для буржуа задачей нахождения условий экономического равновесия с помощью разнообразных математических методов. Уже в 90-е годы попытки решения данной задачи вылились в многочисленные наукообразные изыскания под флагом «устойчивого развития», поднятым Альбертом Гором.

Лишь в 70-е годы под влиянием стагфляции неокейнсианство было поставлено под сомнение, но, увы, в работах монетариста М. Фридмана. Последовало шараханье в сторону... И снова шараханье обратно – возникла новая кейнсианская школа, сшивающая, наконец-то, маркоэкономический подход Кейнса с уровнем микроэкономики. **Сегодня это основное направление в буржуазной маркоэкономике, т.е. макроэкономике, замешанной на буржуазной политэкономии.** И опять же – ни слова о высоких зарплатах!

Помимо этого в те же десятилетия возникли нелепые теории индустриального общества Г. Минца, У. Ростю, Р. Арона, Д. Гэлбрейта, постиндустриального общества Д. Белла, призванные опровергнуть марксизм...

1991-1993 гг. поставили крест на механицистских надеждах построить математическую модель развития общества, написать уравнение его движения. Новые методы оказались бессильны, в лучшем случае – рекомендательны. Что, разумеется, не означает, что в определенных сферах экономики можно обойтись без математического программирования.

1998 год поставил крест на идеях монетаризма в странах бывшего СЭВ.

Траурный марш прозвучал по различным моделям экономик, в 1999-м по югославской модели, описанной З. Танко – когда НАТО бомбила Белград, в 2001-м по японской модели, описанной Ч. Макмилланом - когда изумленной японской публике явилась безработица, в 2003-м по шведской, описанной Класом Эклундом - когда убили главу МИД Швеции Анну Линд, ключевую фигуру в кампании по вхождению страны в зону евро. По мере заселения Европы мигрантами звуки марша всё отчетливее.

2008 год поставил крест на всей «постиндустриальности», на всех теориях, берущих начало в кейнсианстве, на учебниках Самуэльсона, на «жизненных циклах» и так далее. Кризис 2008 года показал, что никакие ухищрения типа хеджирования не способны ликвидировать кризисы капитализма, они лишь загоняют болезнь внутрь организма и приводят к еще большему раздуванию спекулятивного сектора экономики.

Но именно о росте зарплат, этой мечте участников киевской конференции, пойдет речь не в 1922 году, когда был провозглашен СССР, не после победы СССР во второй мировой войне, а лишь в 1970 г., когда Жан Бодрийяр напишет книгу «Общество потребления», в которой сообщит миру, что счастье человека – в потреблении.

Конечно, существование СССР сыграло роль в возникновении высокого уровня жизни рядовых граждан в развитых капиталистических странах. Почти сразу же после распада СССР в Великобритании были сокращены профсоюзные образовательные программы, исчезла бесплатная медицина, во Франции сокращены социальные программы, не так давно повышен пенсионный ценз, в США отменен вэлфер, снижен МРОТ, в Японии вспыхнула 5%-я безработица, что стало шоком для японцев. Наконец, уже в начале нового тысячелетия произошло синдицирование множества монополий разных стран, например, авиакомпаний, к сокращению аппарата управления добавилось и резкое снижение качества обслуживания в самолетах. Об это великом феномене говорилось в 1997 г. представителями российского политобъединения «Рабочий» на Съезде Международного Союза трудящихся в Буэнос Айресе, а затем материалы по данной теме многожды, в течение 16 лет (!) публиковались в материалах объединения «Рабочий» - ничего нового киевская конференция в этом плане не привнесла.

Кагарлицкий любит поговорить о чужом плагиаторстве, в данном случае он сам выступил как дешевый плагиатор.

Однако нужно подчеркнуть, что «общество потребления» возникло далеко не сразу после создания СССР! Нужен был еще план Маршалла с наводнением мира пустыми долларами, нужно было возведение Берлинской стены, нужно было расширение внешней торговли СССР, разнообразные международные туристические программы и т.д. О какой конкуренции между СССР и Западом говорили на киевской конференции – ведь внешняя торговля СССР составляла мизерную часть от ВВП,

а конкуренция на рынке вооружений не касалась продуктов широкого потребления, да и вообще носила характер братского обмена с поставкой устаревших моделей.

Таким образом, неокейнсианство не имеет никакого отношения к повышению зарплат. Во-вторых, ни о каком переходе от неолиберализма к неокейнсианству и речи быть не может. Нельзя же при отсутствии неолиберализма от новой кейнсианской школы вернуться к неокейнсианству. Что касается Европы, то после распада СССР в ней вместо либерализма отчетливо прослеживается тенденция к усилению роли бюрократической межгосударственной надстройки, Европарламента, что отмечает такой либерал, как Юлия Латынина. Маастрихтские и Амстердамские соглашения были ошеломляюще скорым и вынужденным ответом на резкое обострение экономической конкуренции США со странами Европы, после исчезновения объединяющего США и Европу материала – образа врага.

Однако, как бы латынины не огорчались, и до создания зоны евро Европа не отличалась либерализмом.

В Австрии государственное регулирование цен осуществляется на основе Закона о ценах (1976 г.), Закона о картелях (1988), в том числе – слушайте! - **Антидемпингового** Закона (1985). Австрийское государство регулирует около 10% цен (лом, отходы черных металлов, фармацевтическое сырье, лекарственные препараты, электроэнергия, газ, теплоснабжение). Парламент устанавливает цены на табак, табачные изделия, соль, почтовые сборы, телефонные, телеграфные и железнодорожные тарифы. Министерство финансов устанавливает цены на спиртные напитки. Министерство экономики имеет право вводить регулирование цен на срок до 6 месяцев на любой товар или вид услуг. На срок до 6 месяцев оно может устанавливать цены либо когда они необоснованно завышаются одним или несколькими предприятиями, либо когда предприниматели не уменьшают цены на готовую продукцию при снижении цен на используемые для ее производства сырье и материалы. Экономическая оправданность цены при этом рассматривается с позиций интересов развития экономики в целом и потребителей, а не с позиций прибыльных интересов конкретной монополии и даже бизнеса в целом, и даже не с позиций **фактической себестоимости** продукции отдельно взятого предприятия.

В Норвегии правовой основой для государственного регулирования цен является Закон о контроле за ценами, прибылью и ограничением конкуренции, утвержденный еще в 1953 г., а также ряд королевских резолюций, издаваемых на основании этого Закона. Контроль за соблюдением законодательства, регулирующего вопросы ценообразования и предпринимательства, осуществляет система органов, среди которых важнейшими являются специализированные органы ценообразования: Совет по ценам, Директорат по ценам, Госинспекция по ценам. Государство определяет максимальные и минимальные уровни цен, либо «замораживает» цены, устанавливает порядок исчисления скидок, надбавок (наценок), максимальные уровни прибыли и другие правила в области цен. Предельные уровни цен государство устанавливает на мясо, молоко, маргарин, химические удобрения, цемент, лекарства.

Во Франции, помимо всего, устанавливаются максимальные цены на хлеб.

Но, может быть, коль старушка Европа не либеральна, так Америка подаст пример?

Подавляющая часть цен в США, уверяют нас справочники, устанавливается компаниями в условиях конкурентно-рыночного механизма. Вместе с тем, вынуждены констатировать те же справочники, сохраняются государственные цены в отраслях с естественной монополией. Это – энергетика, система связи. Государством регулируется 5-10% цен. В некоторых штатах администрации имеют право вводить тарифы на электроэнергию, междугородные автомобильные и железнодорожные перевозки. Существует также система регулирования фермерских цен (введена в практику в 1933 г.), это залоговые цены и залоговые операции Товарно-кредитной корпорации. Залоговые цены (ставки) выполняют функцию минимальных гарантированных цен. Они защищают фермеров в условиях, когда рыночные фермерские цены падают ниже их уровня, гарантируя минимальный уровень дохода от реализации сельскохозяйственной продукции на рынке. Власти в США порой устанавливали жесткие цены даже на пшеницу.

Причем государство имеет власть, чтобы диктовать бизнесу цены. Уже в 80-е годы 25% акций всех предприятий в США принадлежали государству – фактически оно владело контрольным пакетом всей экономики, т.к. контрольный пакет в США установлен в 22,5%.

В середине 90-х общества консьюмеристов в США вдруг выяснили, что антимонопольный закон не действует. Это поразительное открытие они сделали через два с лишним столетия после того, как Рикардо указал, что монополия ликвидирует игру спроса и предложения, она навязывает цену по максимуму покупательской способности, до дыр в карманах. Тем более, монополисты всегда

договорятся в отношении цены на такой товар, как рабочая сила. Какая, к черту, конкуренция, какая «конкурсная основа».

Наконец, пусть «левые интеллектуалы» простят, но придется им напомнить, что высокий уровень жизни рабочих Европы достигнут в том числе их классовый борьбой. Так было во Франции при де Голле, так было в Великобритании при Тэтчер, так не было в Германии, благоденствие жителей которой обеспечили третьи страны – за счет перераспределения с помощью штатовских вливаний пустых долларов. То же самое касается Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, отчасти Японии.

Удивительно, прошли десятилетия, но «левые интеллектуалы» не в состоянии осознать простой **результат распада СССР: труд и капитал в мире столкнулись нос к носу**. Что было отмечено представителями объединения «Рабочий» в том же Буэнос Айресе всё в том же 1997 году. Результаты этого сегодня видны даже в богатейших США, где никто не ожидал волнений типа «оккупай».

Неолиберализм, таким образом, не имеет никакого отношения не только к Европе, но и к миру. Имеет он отношение лишь к странам бывшего СЭВ – несмотря на то, что в вузах изучают неокейнсианство. И не неолиберализм, а именно либерализм в современном звучании, точнее, социал-либерализм (с подавлением протеста путем социального партнерства) навязывается странам бывшего СЭВ, в первую очередь, Штатами, в том числе – на профсоюзных семинарах, организуемых на средства западных буржуа.

Что же касается усиления роли государства – это извечная тема КПРФ, но не рядовых граждан стран бывшего СЭВ. Беда в том, что **усиление роли государства в РФ, например, попросту означает передачу средств, функций, контроля и т.д. из рук одних коррупционеров в руки других коррупционеров, государственных**.

Политика протекционизма, **как составная часть усиления роли государства в экономике** (не надо отрывать протекционизм от кейнсианства), разумеется, не может решить проблему конкурентоспособности внутренней продукции. Проблема качества продукции – это особая, отдельная тема. Между прочим, она не решается путем конкуренции, но это особый разговор. Беда в другом. Наши интеллектуалы, если они именуют себя левыми, обязаны знать, для чего Ленин вводил государственную монополию на внешнюю торговлю. Еще в 20-е годы Е. А. Преображенский показал, что свободная конкуренция товаров развитой промышленности с товарами слаборазвитой промышленности приводит не к повышению качества продукции слаборазвитой промышленности, а просто к ее ликвидации. «Исход боя решает потребитель», - писал Преображенский («Основной закон социалистического накопления»). Или, может быть, «левые интеллектуалы» оправдывают вступление Украины и России в ВТО?

В январе 1994 года в Челябинске на 11-й Конференции российского политического объединения «Рабочий» автор этих строк говорит, что мизерные зарплаты и пенсии резко снижают спрос, что ведет к банкротству производств товаров широкого потребления, к массовым увольнениям, к разрушению экономики в целом.

В апреле 1996 г. в Перми на международной конференции «Рабочее движение: состояние и перспективы» автор этих строк говорит, что мизерные зарплаты и пенсии резко снижают спрос, что ведет к банкротству производств товаров широкого потребления, к массовым увольнениям, к разрушению экономики в целом.

Профессора университетов помнят свои пенсии в 600 р. при стоимости обеда в 50 р., кандидаты наук помнят свои зарплаты в 20-30 долларов в месяц.

Объединение «Рабочий» распространяет по стране массу листовок, текстов, газет, которые кричал: «Как можно прожить на пенсию в 2000 р.!\», «Как можно прожить на зарплату в 2000 р.!\», «Низкий спрос ведет к краху» и т.д. Все эти материалы размещаются в интернете, в библиотеках, в архивах.

В январе 2001 г. в Москве в гостинице «Космос» состоялся Съезд правозащитников. Главной его целью было сформировать миф о возвращении тоталитаризма в связи с приходом Путина. На секции Съезда, посвященной трудовым отношениям, автор этих строк говорит, что мизерные зарплаты и пенсии резко снижают спрос, что ведет к банкротству производств товаров широкого потребления, к массовым увольнениям, к разрушению экономики в целом.

В те дни зарплата рядовых трудящихся составляла 0,5 – 3,5 коп. с рубля стоимости единицы продукции.

Важный момент: с аналогичной речью выступил **либерал, представитель СПС**, юрист.

Автор этих строк публикует ряд статей, где указывает на снижение спроса как на причину спада экономики и приводит цифры о разрыве между богатыми и бедными в 70 раз уже в 1994 году. Все материалы распространяются по стране и в бумажном виде, и по интернету.

В том же году в Буэнос Айресе на Съезде Международного Союза трудящихся автор этих строк говорит, что мизерные зарплаты и пенсии резко снижают спрос, что ведет к банкротству производств товаров широкого потребления, к массовым увольнениям, к разрушению экономики в целом.

В июле 2004 г. в Москве на Съезде ветеранов рабочего движения выступающие из Оргкомитета говорят о необходимости противодействовать принятию нового Трудового Кодекса.

На Съезде присутствует проамериканский либерал Евгений Ихлов, он соглашается с автором этих строк, что для трудовых коллективов практически не важен новый ТК, гораздо важнее мизерная оплата труда. Итак, **в 2004 году либерал соглашается.**

В июне 2005 г. в Москве на Съезде независимого профсоюза железнодорожников РПЛБЖ автор этих строк говорит, что, в отличие от рабочих-железнодорожников мизерные зарплаты в других отраслях и низкие пенсии резко снижают спрос, что ведет к банкротству производств товаров широкого потребления, к массовым увольнениям, к разрушению экономики в целом, что касается и рабочих-железнодорожников.

Проходит совсем немного времени. Либералы начинают говорить иные вещи. Либералы создают бизнесу имидж прогрессивного, креативного класса. В 2008-м либерал Юлия Латынина превозносит буржуазию, как прогрессивный класс. В 2013 году Латынина пишет, что «бизнес собирает рабочих», а чиновники только мешают бизнесу.

Коровы в Индии завидуют российскому бизнесу, непорочность которого защищают либералы!

Но либералы последовательны. Ранее они защищали буржуа, которые владели производствами товаров широкого потребления. К 2013 году все производства товаров широкого потребления, которые могли быть обрушены, были обрушены низким спросом или интервенцией зарубежной продукции. Закрылись птицефабрики, умерли колхозы, обанкротились трикотажные фабрики, иномарки вытесняют производства отечественных автомобилей. И тут просыпаются «левые интеллектуалы» и на конференции в Киеве принимают советовать повысить зарплаты, дабы увеличить спрос – на товары широкого потребления! - и тем самым создать новые рабочие места и развить экономику. Есть ли пределы глупости человеческой?!

Казалось бы, какое замечательное пожелание – чтобы зарплата трудящихся повысилась. Только к кому оно обращено? К США, ЕС, странам Восточной Европы. Значит – к правительствам этих стран, ведь именно они представляют США, ЕС, страны Восточной Европы.

Разумеется, это благородно, предлагать кабинету Обамы или правительству Меркель повысить зарплату североамериканских или германских рабочих. Ясно, что предложение адекватно лишь в отношении правительств стран бывшего СССР, бывшего СЭВ. Но и в этом случае обращение – не по адресу!

Вернемся к тому, как «бизнес собирает рабочих», а чиновники «жрут бизнес» и тем самым «жрут рабочих».

Рассказываю еще раз. Государство – это орудие подавления одного класса другим. У государства есть другая функция – «предохранение враждующих классов от взаимного пожирания» (Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Это хорошо видно на приведенном выше примере государства при Франклине Рузвельте, которое окоротило аппетиты буржуа. Государство РФ настолько слабо, что не в силах выполнить эту вторую функцию.

Парламент в России стал тем же, что и в других странах – это всего лишь вид бизнеса. Конгресс США весь скопом занят посреднической деятельностью. Латынина непоследовательно нападает на парламент, на чиновников и облагораживает бизнес, хотя это одно и то же.

Она непоследовательно, как говорится - популистски нападает на олигархов и облагораживает бизнес, а ведь олигархи ничем, кроме бизнеса, не заняты. Они самые главные бизнесмены в РФ, бизнес в РФ – это, в основном, олигархи.

Латынина делает вид, что бизнес занят исключительно тем, что «собирает рабочих». Она передергивает. Бизнес устраивает массовые увольнения рабочих, причем не тех, что он «собрал». Российский бизнес никого не собрал. Он не умеет этого делать. Он разбазаривает рабочих, которые достались ему от СССР, в первую очередь, профессионалов. Единственное место, где бизнес собирает рабочих – это строительство, где работают мигранты, и дорожное строительство, где бизнес обирает рабочих до нитки. Еще за гроши или за еду собирает бомжей на исключительно вредных производствах, типа производства ванадия из шлака.

Российский бизнес не умеет конкурировать. Если на первом шаге расширенного воспроизводства некой фирмы норма прибыли получилась ниже средней, то на втором шаге она окажется еще ниже. Таким образом, эта некая фирма вылетает с круга, становится банкротом. Российскому бизнесу не нужно заботиться о новых технологиях, о снижении издержек. Он достигает средней нормы прибыли за счет замораживания зарплат или их невыплат. В СССР рабочие получали от 7 коп. до 13,5 коп. с рубля стоимости продукции, сегодня – 3 коп. – 7 коп. с рубля стоимости. Бизнес в РФ представлен бывшими чиновниками из элиты КПСС или их сыновьями-дочерьми, уголовниками, милиционерами, спортсменами, т.е. недееспособным и неграмотным социальным слоем. Например, в Перми стратегическим заводом «Камкабель» владеют уголовные авторитеты Ибрагим, Нелюбин, Плотник. Последний вообще вывел свои активы в оффшор на подставное лицо. Химическим предприятием «Камтекс» владеет бывший смотрящий по Кировскому району Перми, бывший таксист Игорь Иванов. Лакокрасочным заводом, который недавно умер – боксер Петр Павлов. И т.д.

Латынина, пропуская, как разумеющееся, что чиновники якобы душат бизнес налогами, тем самым не дают бизнесу расширяться и хорошо платить рабочим, утверждает, что враг рабочего – не бизнес, а чиновник, он и «жрет рабочих». Разделять бизнес и чиновничество – глупо. Хотя это не одно и то же. Бюрократия, банковский бизнес, действительно, душат мелкий бизнес, при этом мелкий бизнес никаких рабочих не собирает, он едва поддерживает свои штаны. Зато бизнес отвечает тем, что просто не платит налоги. Тут вам и бухгалтеры-иезуиты, тут вам и серые зарплаты. Но суть в другом.

Как говорил лидер АФТ КПП Сэмюэль Гомперс, главное преступление бизнеса – сокрытие прибыли. Если мелкий бизнес обнуляет прибыль путем обмана налоговиков, то весь бизнес в целом укрывает прибыль под видом **накладных расходов**. Львиную долю в которых составляют **расходы на управление**. То есть, на бжуа, включая армию тунеядцев с должностями консалтингеров, франчайзеров, ритейлеров, девелоперов, дилеров, брокеров, риэлторов, маркетологов, менеджеров и т.п. А ведь еще недавно в эти расходы на управление включали **представительские расходы**. Это и куршавели, это и алмазы-золото-бриллианты в подарок, это и дворцы, яхты, личные самолеты.

Государство же настолько слабо, что не в состоянии установить прогрессивную шкалу налогов. Отчитываясь в качестве премьера, Путин так и заявил: если будет прогрессивная шкала – бизнес не будет платить налоги, а государство таково, что не сможет их собрать.

Еще раз: государство – это орудие подавления одного класса другим. Правящим классом в РФ является бизнес, буржуазия. Не Путин правит, не правительство правит – капитал правит. Потому что чиновников, и парламентариев в РФ нанимает бизнес.

Потому участники киевской конференции, воюя с неолиберализмом, поспособствовали либералам, перенеся огонь с бизнеса на правительства.

Итак, вряд ли можно рассчитывать, что перемены возможны при чутком партийном руководстве участников конференции. Мы выяснили, что «левые интеллектуалы», несмотря на их зоологическое стремление выражать чаяния трудящихся вместо самих трудящихся, особенно тогда, когда трудящиеся их об этом и не просили, неспособны даже к элементарному анализу. Проводя конференцию в Киеве в 2013 год, они даже не услышали топот ботинок неонацистов в направлении майдана.

Больше того: как мы видели, «левые», произнося слова против либерализма, наоборот, делают всё, чтобы никаких перемен не произошло.

Самое смешное, что «левые интеллектуалы» под объективными предпосылками перехода к неокейнсианству полагают не чаяния масс, которые, на самом деле, вовсе не чают неокейнсианства, не потому, что не знают, что это, но потому, что неокейнсианство ничего им не может дать. «Левые

интеллектуалы» полагают, что объективные предпосылки – даже не движения масс, это желания и способности европейских правительств.

По сей день все левые, включая сталинистов, игнорируют основания крушения КПСС. Все левые всё еще полагают, что не классы, а они, креативные, являются демиургами истории, всё им кажется, что они меняют мир своими программочками, схемочками, «механизмами» и т.п. По сей день Кагарлицкий укоряет Мадуро и его чиновников, что не прислушались к его мудрым советам, как надо было обустроить Венесуэлу. Ну, хоть бы министром его сделали, на худой конец, как когда-то - Пашу Кудюкина.

Если же речь идет о прогрессивных переменах, тогда стоит поговорить об объективных предпосылках.

Ранее посредниками между трудовыми коллективами разных стран осуществляли компартии и профсоюзная бюрократия. После распада СССР эти структуры окончательно дискредитировали себя. Иные левые организации, троцкистские, анархистские, которые, казалось бы, получили карт-бланш, и не подумали связать трудовые коллективы между собой напрямую. По сей день даже интернет не привел к образованию устойчивых связей между трудовыми коллективами. В процессе глобализации капитал интернационализуется быстрее, чем труд.

Попытки антиглобалистов и альтерглобалистов, пришедшие на смену многообразным троцкистским международным союзам трудящихся, связать посредством себя абстрактных протестующих не произвели никакого впечатления на историю, их стремление покрасоваться перед сборищами правителей разных стран было легко подавлено.

Процесс глобализации, которому крах Советского Союза развязал руки, натолкнулся на усиление протекционизма с одной стороны и на усиление центробежных тенденций внутри устоявшихся международных финансовых структур. Обострение экономической конкуренции между США, Европой, Японией, Китаем породило волну малых войн. Кроме того, процесс глобализации внутренне противоречив, экспансия США – это экстенсивное развитие, оно требует роста управленческого аппарата, следовательно, резкого роста затрат.

С другой стороны, помимо «точек сборки» кризиса внутри самого капитала, как это уже было сказано, капитал впервые столкнулся с трудом нос к носу. Всё это ввергло мировую экономику в эпоху регресса, который в разные времена назывался по-разному: периодом реакции в 1907-м, рецессией – в 2013-м.

Противоречие состоит в том, что наряду с прорывами в науке, касающимися апоптоза и клонирования, элементарных частиц и нанотехнологий, волоконной оптики и компьютерных технологий, физики низких температур и высокотемпературной сверхпроводимости, транспорта на магнитной подушке и транспорта на водородном двигателе и т.д., наблюдается процесс стремительной деградации населения планеты. Чему способствуют газеты, телевидение, интернет, технологии типа «плюрализма мнений» и пр. Масс-культура сменила культуру.

Если до распада СССР доминировала естественная тенденция увеличения числа лет обучения рабочего, то сегодня, в том числе в виду сокращения образовательных программ и реформы системы образования, возникла обратная тенденция. Что не замедлило сказаться на общемировом уровне производства. Что касается России, то сегодня старые начальники цехов стонут от наплыва армады дипломированных кретинов. Завтра уйдут старые кадры, и заводы рухнут.

Это означает, что в ближайшее десятилетие социализм не сможет стать альтернативой существующему положению дел.

Это означает, что в ближайшее десятилетие перед РФ и Украиной неумолимо встанет альтернатива – либо объединение, либо гибель экономик под давлением ВТО.

Это означает, что рабочее движение в России не сможет сформироваться без поддержки самостоятельного, не обремененного «левыми интеллектуалами» международного рабочего движения.

Август 2019